

СВ. АСТЕРІЯ АМАСІЙСКАГО

слово обличительное противъ празднованія Календъ *).

Два праздника совпали вмѣстѣ во вчерашній и нынѣшній день, — (праздники) не согласные и сродные, а напротивъ во всемъ другъ другу враждебные и противоположные. Одинъ — праздникъ вѣншей безпорядочной толпы, собирающей большія деньги для мамоны и влекущей за собой другаго рода мелочную торговлю — праздную и непристойную. Другой — праздникъ святой и истинной религіи, научающей единенію съ Богомъ и добродѣтели чистой жизни. Поелику же многіе, предпочитая суетную роскошь и занятіе, отстали отъ церковнаго собранія; то вотъ мы постараемся словомъ отогнать отъ душъ эту глупую и вредную забаву, какъ иѣкое сумасшествіе, влекущее за собою смерть среди смѣха и шутокъ. Благовременно было бы мнѣ взять за образецъ въ пользованіи рѣчью Соломона. Вѣдь и онъ, совѣтуя юношамъ непоколебимо блюсти себя отъ сѣтей невоздержанія, — съ цѣлю придать своему наставленію болѣе силы и внушительности, — олицетворяетъ невоздержаніе въ образѣ зазорной женщины: предавая позору каждый изъ его пороковъ, онъ такимъ путемъ выставляетъ его передъ увлекающимися достойнымъ отвращенія**). Такъ и я, показавши въ рѣчи суетность человѣческаго праздника, попытаюсь отклонить любителей его отъ ложнаго увлеченія.

Итакъ, относительно (каждаго) всенароднаго праздника (наблюдается) такой обычай и законъ, чтобы во-первыхъ была ясная цѣль торжества, и

*) Т. е. — противъ празднованія „Новаго Года“.

***) Притч. V, 6. 7.

затѣмъ чтобы была общая радость у всѣхъ, а не такъ, чтобы часть веселилась, другая же пребывала въ печали и горести. Ибо это свойственно не празднику, а скорѣе — войнѣ, гдѣ по необходимости побѣдители величаются побѣдой, а побѣжденные оплакиваютъ пораженіе. Относительно же этихъ дней (праздника Календы) не ясно и первое, для чего т. е. совершается празднество: ибо басынь, взаимно опровергающихъ одна другую, рассказывается много, а вѣрнаго — ничего. А затѣмъ, не много вижу я и радующихся, печальныхъ же много, хотя эти послѣдніе и прикрываютъ свою печаль благовидною личиной, такъ что все я вижу исполненнымъ шума и смятенія, и толпа безразсудно волнуется.

Воспоминаніе и радость — по случаю новаго года. Какая же радость, человекъ? Прежде всего, если поразмыслить о внѣшнемъ видѣ этого сходбища, то каковъ онъ? какъ подозрителенъ и чуждъ дружества! Слабымъ и нѣжнымъ голосомъ выходитъ изъ устъ привѣтствіе, затѣмъ слѣдуетъ лобзаніе, — подходъ къ полученію: цѣлуются уста, а любятся деньги, на видъ — благорасположеніе, на дѣлѣ же корысть. А гдѣ дружба чистая и искренняя, тамъ и благожеланія безкорыстны и безмездны. — Итакъ, много золота разносится и раздается вслodu: но настоящаго и приличнаго повода къ полученію и не существуетъ, и не высказывается. Это — не брачное торжество, когда вызываютъ на щедрость тще-славнаго жениха. Милостынею я не могу называть расточительность; ибо ни одинъ бѣднякъ (сю) не освобождается отъ своей несчастной доли. Сдѣлаю никто не назоветъ то, что происходитъ (на праздникъ Календы): ибо большинство (тутъ) ничѣмъ другъ съ другомъ не обмѣнивается. Подаркомъ на-

звать уже совсѣмъ не справедливо; потому что тутъ съ даяніемъ связана принудительность. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ мы назовемъ и праздникъ, и затраты, производимыя на немъ? Я не нахожу. Скажите же вы, ревнующіе о немъ; дайте отчетъ, подобно тому какъ мы даемъ — относительно истинныхъ и по-божески совершаемыхъ торжествъ. Рождество мы празднуемъ, такъ какъ въ это время Богъ показалъ намъ Божоявленіе во плоти. Праздникъ свѣтовъ *) совершаемъ, потому что по отпущеніи грѣховъ мы какъ бы изъ нѣкоей мрачной темницы прежней жизни возводимся къ (жизни) свѣтлой и невинной. Красуемся же опять и радостно торжествуемъ мы въ день Воскресенія, ибо оно являетъ намъ нетлѣніе и преобразование въ лучшее. Такъ празднуемъ мы эти праздники, такъ и всѣ слѣдующіе. И всякому вообще человѣческому дѣлу предшествуетъ извѣстное основаніе; а у чего нѣтъ причины и цѣли, то — пустяки и болтовня.

О нелѣпость! всѣ бродятъ, разинувъ рты, въ надеждѣ (получить) что-нибудь другъ отъ друга. Давшіе печалятся, получившіе не удерживаютъ (полученнаго), ибо получка переходитъ отъ одного къ другому: принявшій отъ своего подвластнаго передаетъ ее высшему себя. Неустойчиво золото этого дня, какъ игральный мячъ, быстро перебрасываемый отъ меня къ другому. Это новый какой-то способъ приношенія даровъ и общественной благотворительности, связанный съ принудительнымъ взносомъ. Ибо высшій и знатный ожидаетъ (подарка), а низшій выпрашиваетъ: и всѣ какъ бы по ступенямъ движутся къ лону болѣе имущихъ. И что бы-

*) Праздникъ Крещенія Господня.

ваеть при сляніи водъ, то можно наблюдать и нынѣ. Ибо и тамъ маленькій ручеекъ, источая струи, соединяется съ слѣдующимъ за нимъ и большимъ, который въ свою очередь скрывается въ еще болѣе обильномъ, нѣсколько же небольшихъ потоковъ, соединившись вмѣстѣ, становятся притокомъ сосѣдней рѣки, эта — другой большей, та — слѣдующей — до тѣхъ поръ, пока наконецъ послѣдняя не вмѣститъ свою воду въ глубинѣ и широтѣ морской.

Праздникъ этотъ, ложно такъ называемый, полонъ тяготы; такъ какъ и выходъ на улицу затруднителенъ и пребываніе дома не спокойно. Ибо простолюдины — нищіе и скоморохи со сцены, раздѣлившись партіями по разрядамъ, беспокоятъ каждый домъ. И подлинно ужъ поздравляютъ и шумятъ, оставаясь у воротъ съ большею настойчивостью, чѣмъ собиратели податей, пока наконецъ осаждаемый въ домъ, выведенный изъ терпѣнія, не выброситъ серебро, которое онъ имѣетъ, но которымъ не распоряжается. Поочередно подходя къ дверямъ, они смѣняютъ другъ друга, и до поздняго вечера нѣтъ ослабы этому злу: артель слѣдуетъ за артелью, крикъ за крикомъ, казнь за казнью.

Праздникъ этотъ прелестнѣйшій бываетъ у людей причиною долговъ и процентовъ по нимъ, — поводомъ къ обѣднѣнію и началомъ несчастій. А если кто-нибудь, вслѣдствіе недовѣрія къ его состоятельности, не найдетъ займодавца, то терзается, какъ царскихъ податей не уплатившій, — плачетъ, какъ лишенный имущества, — вопитъ, какъ понавшійся разбойникамъ, прячется, бичуетъ себя. Если же хоть что-нибудь есть въ домѣ для пропитанія жены и несчастныхъ дѣтей, выбрасываетъ и это, и сидитъ голодный со всею семьей въ веселый праздникъ. Но-

ВЫЙ ЗАКОНЪ дурнаго обычая — праздновать печаль и называть торжествомъ бѣдность людскую.

Этотъ день и малыхъ дѣтей, скромныхъ и простодушныхъ, научаетъ быть сребролюбцами, побуждаетъ ихъ переходить изъ дома въ домъ и приносить новые дары — плоды, оплаченные серебромъ. За даръ же дается двойное вознагражденіе, и отсюда въ нѣжныхъ сердцахъ юношей начинается замечательваться нѣчто мелочное и низкое. А въ какое настроеніе приводитъ этотъ день богобоязненныхъ и самыхъ лучшихъ поселянъ! Они принуждены бѣжать изъ города и не подходить къ нему, — и они избѣгаютъ его болѣе, чѣмъ зайцы — свѣтей. Вѣдь если они окажутся въ городѣ, ихъ подвергаютъ бичеваніямъ, дерзко оскорбляютъ, разрушаютъ то, что имѣется у нихъ въ рукахъ: — въ мирное время дѣлаютъ на нихъ вражескія нападенія, осмѣиваютъ, издѣваются словами и дѣлами. Подвергаются всякой наглости они, ^и эти самые лучшіе пророки наши, безхитростныя живыя существа, простые образы Божіи, при свободѣ — вѣрныя рабы нашей жизни. Такъ вотъ (какъ ведутъ себя) сановники, вотъ какъ бѣдняки, вотъ какъ дѣти, вотъ какъ простолюдины: именно — одни мучатся, другіе ропщутъ, иные учатся тому, что лучше бы не знать.

Посмотримъ еще, какую выгоду извлекаютъ изъ этого праздника и вооруженные воины. Въ деньгахъ несутъ они убытокъ, и въ плату за одинъ стаканъ отдають военное жалованье. Въ дисциплинѣ и нравствѣ терпятъ вредъ; ибо научаются неприличію, занятіямъ актерскимъ, распущенности нравственной и слабости; забавъ, противной законамъ и власти, которую они поставлены охранять. Надъ верховной властью они насмѣхаются и издѣваются, взбираясь

на военную колесницу, какъ на сцену, набирая дѣланныхъ копьеносцевъ и продѣлывая всенародно то, что свойственно шутамъ и комедіантамъ. Но это еще болѣе почтенныя принадлежности торжественнаго шествія. А о прочихъ принадлежностяхъ кто рѣшился бы и упомянуть? Не подражаетъ ли женщинамъ, связвъ даже свои доспѣхи, этотъ удалецъ, этотъ льву подобный по отвагѣ, въ вооруженіи возбуждающій удивленіе у своихъ, страхъ у противниковъ, и не спускаетъ ли онъ хитонъ до пятъ, обвиваетъ около груди поясъ, надѣваетъ женскую обувь, возлагаетъ на голову пучъ волосъ, какъ это въ обычаѣ у женщинъ; несетъ прялку съ запасомъ шерсти, таетъ нитку десницею, нѣкогда носившею трофей, и перемѣняя твердое душевное настроеніе, не говоритъ ли онъ тонкимъ и жепоподобнымъ голосомъ? Таковы блага этого торжества: таковы выгоды сегодняшняго всенароднаго праздника!

И восшедшіе на вершину человѣческихъ почестей, многославные сановники, попусту тратятъ богатство, расточая груды денегъ — безплодно для праведности, съ прибылью для грѣха: безразсудство ихъ тѣмъ виднѣе, чѣмъ выше ихъ общественное положеніе. Ибо занимая много человѣческихъ (служебныхъ) мѣстъ и владѣя величайшими государственными должностями, они безпощадно берутъ отъ каждой какъ можно больше: одни — присвоивъ себѣ содержаніе бѣдныхъ солдатъ, другіе — часто продавая справедливость и истину, а иные — черная несмѣтное богатство государственной казны, и вообще отовсюду тщательно собирая и не пренебрегая никакой корыстью ни безчестной, ни неправедной. Прогнѣвая Бога, они занимаютъ первыя мѣста теперь, а спустя немного стануть раздавать золото кучерамъ, злосчастнымъ свирѣльщикамъ, ак-

терамъ, плясунамъ, андрогинамъ и блуднымъ женщинамъ, публично предлагающимъ продажное тѣло; а затѣмъ — нечистымъ и отчаяннымъ борцамъ со звѣрями и даже самимъ звѣрямъ (ибо извѣстно, какъ и звѣрей питаетъ золото, на которое покупается для однихъ изъ нихъ мясо, для другихъ — хлѣбъ). А все это происходитъ изъ одного стремленія, чтобы имена ихъ были написаны на первомъ мѣстѣ въ договорныхъ записяхъ. О безуміе! о слѣпота! Богъ обѣщаетъ написать имена питателей бѣдныхъ въ книгахъ живыхъ, безсмертныхъ и не гибнущихъ, которыхъ ни моль не истребляетъ, ни время не изглаждаетъ *). Но этихъ записей ты не любишь, нисколько не думаешь о блаженномъ обѣтованіи и не стремишься быть записаннымъ въ памяти Божіей (ибо это — книга живая). А важнымъ считаешь быть записаннымъ у нотаріусовъ, быть предметомъ болтовни среди работорговцевъ и получать рукоплесканія отъ народныхъ льстецовъ, — ты, дурной судья пригодности вещей и неразумный цѣнитель пользы. Давай убогому нищему, а не распутному музыканту: дари вмѣсто блудницы вдовѣ, вмѣсто публичной — скромно живущей въ уединеніи. Разумнай, гдѣ двѣ святая, поющая Богу, и возненавидь безстыдную пѣвицу, которая не видомъ, такъ пѣніемъ уловляетъ въ сѣти безстыдниковъ. Помоги сиротѣ, уплати долгъ неимущаго, и узришь славу нескончаемую. Ты опустошаешь много кошельковъ на гнусную забаву и беспорядочный смѣхъ, не соображая, сколько расточаешь ты нищенскихъ слезъ, пѣною которыхъ собрано это богатство. Сколько было ввергнуто въ узы, сколько подвергалось бичеванію, сколько близки были къ задушенію и петлѣ

*) МѠ. VI, 20.

(для того только), чтобы сегодня пляшущіе получили. И какой конецъ? Пустота. Послѣ всего — небольшой могильный холмикъ, одежда въ нѣсколько оволовъ, прикрывающая жалкій трупъ; а спустя не много — забвеніе, необходимое зло времени, покрывающее все, о чемъ ты такъ старался. За симъ — судъ Божій и неизбѣжное наказаніе дурнаго изволенія.

Гдѣ великіе сановники? Перечисли тѣхъ, которые были вчера и третьяго дня. Не подвергся ли одинъ изъ нихъ, подобно злодѣямъ, отсѣченію головы, попавши въ массовое движеніе вооруженной толпы, хотя по смерти онъ былъ почтенъ большею торжественностью, чѣмъ когда носимый на носилкахъ гордился своимъ достоинствомъ? *) Другой въ званіи полководца, удостоившійся той же самой чести, жалко погибъ на границахъ Египта и Ливіи, избѣгая наказанія по суду и потомъ умерши въ несахъ, такъ какъ вся страна, чрезъ которую онъ бѣжалъ, была безводна и необитаема. А что сказать о томъ оставшемъ полководцѣ и сановникѣ, подобнымъ же образомъ проживающемъ и теперь въ странѣ Колахидской, и спасающемся только благодаря челоуколюбію тамошнихъ варваровъ? Этого бывшего областеначальника, считавшагося пепобѣдимымъ и подобнымъ льву по рѣшимости, какая превратность жизни постигла! Сначала онъ видѣлъ, какъ сынъ его былъ обезглавленъ, потомъ и самъ получилъ смертнй приговоръ, и когда уже была веревка поднесена къ устамъ его, царское челоуколюбіе воспретило палачу совершить дѣйствіе. Но поживши немного въ скорбяхъ и несчастіяхъ, старикъ, одряхлѣвшій подь ощу-

*) Проповѣдникъ, вѣроятно, разумѣеть здѣсь Руфина, который былъ обезглавленъ Аркадіемъ (395 г.), при чемъ голова казненнаго была торжественно поднята на копьяхъ. (См. у Migne, t. 40. col. 223—4, примѣч.).

щепіемъ бѣдъ, въ безчестіи отошелъ изъ жизни, нашедши такой конецъ своего высокаго сана. А тотъ, — человекъ сомнительнаго пода *), — который въ прошломъ году мнилъ себя больше гигантовъ? Избѣгая палокъ своихъ господъ, онъ возжелалъ жезловъ консульскихъ; завладѣлъ такимъ количествомъ земли, что и сказать трудно, а погребенъ на такомъ клочкѣ, какой удѣлили ему кто-то изъ жалости. Итакъ все это, разъ оно таково, не есть ли, по мудрому Еклезіасту, *суета суетъ!* **) — и сановныя достоинства не сугъ ли призраки несбыточныхъ сповидѣній, на короткое время повеселившіе, а затѣмъ исчезнувшіе, разцвѣтшіе и увядшіе? А мы, здѣсь полагая конецъ своему слову, воздадимъ славу Спасителю.

*) Буквально: спорный между женщинами и мужчинами; — (разумеется, несомѣнно, евпухъ Евтропій).

**) Еккл. I, 2.